

Дай Пэйчуань замер, и лишь спустя долгое время пришел в себя.

С покрасневшими глазами он трижды отвесил Бай Линъюню земной поклон, больше не произнеся ни слова «учитель».

Бай Линъюнь с улыбкой поднял Дай Пэйчуаня, чувствуя, что этот ребенок — податливый материал, к тому же очень смысленый.

Дай Пэйчуань любил театр, и Бай Линъюнь мог передать ему свои знания без остатка: в его эпоху людей, готовых посвятить себя этому искусству, почти не осталось, и передавать мастерство становилось всё труднее. В эту эпоху, встретив человека с такой страстью к обучению, он, разумеется, был готов помочь от всей души.

Однако, учитывая нынешние нравы, он испытывал глубокую досаду: ему было невыносимо видеть, как хороший ребенок вступает в этот неблагоприятный, странный мир. Поэтому он был вынужден поставить условие: никогда в этой жизни не выходить на большую сцену.

Он надеялся — и искренне желал, — чтобы в этом чужом мире ребенок, видевший в нем старшего брата, нашел для себя иной, прямой и светлый путь.

Пока они предавались этим теплым чувствам, за дверью трижды постучал официант. Держа поднос над плечом, он громко выкрикивал названия блюд и принялся расставлять их с особой, изысканной манерой.

— Тефтели Сыси, свиная рулька Фушоу, тушеные четыре сокровища из утки...

Дай Пэйчуань, слушая названия, то и дело сглатывал слюну, да и Бай Линъюнь, который до этого был сыт лишь наполовину, от одного перечисления блюд почувствовал, как в животе снова заурчало от голода.

Хотя Бай Линъюнь ел быстро, манеры его оставались безупречными.

Дай Пэйчуань же перестал следить за приличиями: орудуя обеими руками, он так усердно работал палочками, что рис разлетался во все стороны.

Вдруг дверь с грохотом распахнулась.

Бай Линъюнь, в этот момент сосредоточенно запихивавший в рот половинку тефтели, от неожиданности подавился. Кусок застрял в горле, он начал задыхаться и давиться.

— Ого, я уж подумал, что мне показалось, а это и вправду старший брат Бай пожаловал.

— Кхе-кхе...

Запивая водой и хлопая себя по спине, он с трудом протолкнул застрявшее, продолжая надрывно кашлять.

— Старший брат! — Дай Пэйчуань, поглаживая Бай Линъюня по спине, злобно сверкнул глазами в сторону виновника переполоха, стоявшего у дверей.

Бай Линъюнь кашлял до тех пор, пока лицо и шея не покраснели, а в горле не появился привкус соли. Наконец, утерев выступившие на глазах слезы, он повернулся к вошедшему и, не сдерживаясь, выпалил:

— Твоя мать тебя не учила, что разница между человеком и животным в том, что первый стучит в дверь рукой, а второй прошибает её головой?

У дверей стоял юноша в персиковом халате. Услышав эту колкость, он так исказился в лице, что черты его смешались. Топнув ногой и вытянув тонкий палец в сторону Бай Линъюня, он бросил лишь три слова:

— Ты еще дождешься!

Бай Линъюнь снова кашлянул, а потом рассмеялся — этот внезапно появившийся дурачок его позабавил.

Даже в детском саду не говорят таких глупостей. Только девчонки, которых сильно обидели, способны бегать за подмогой и жаловаться.

Он махнул рукой вслед удаляющемуся юноше и громко крикнул:

— Еще увидимся!

Угроза юноши сбылась довольно быстро.

Бай Линъюнь едва успел проглотить вторую половину тефтели, как в дверь снова постучали. На этот раз — очень вежливо, трижды.

Бай Линъюнь неспешно вытер уголки рта и кивнул Дай Пэйчуаню.

— Этот получше, знает, что такое вежливость.

— Старший брат... — Дай Пэйчуань встревоженно сжал кулаки.

Он узнал того, кто был там раньше: это был Ду Минъюэ, прославившийся три месяца назад на весь Ваньцзин благодаря роли Белой Крысы в спектакле Бездонная пещера.

Бай Линъюнь отложил салфетку.

— Ничего страшного, открывай.

Делать нечего, Дай Пэйчуань встал и открыл дверь. Снаружи действительно стоял Ду Минъюэ, а вместе с ним — его подмога.

Дай Пэйчуань присмотрелся, в ужасе охнул и поспешно отпрянул назад.

Бай Линъюнь одернул его:

— Иди нормально.

Дай Пэйчуань замер, но стоило ему открыть рот, как взгляд Бай Линъюня заставил его умолкнуть. Он покорно опустил голову и встал за спиной наставника.

Бай Линъюнь поднял глаза на вошедших. Впереди Ду Минъюэ стоял статный молодой человек, примерно того же возраста, что и он сам — лет восемнадцати-девятнадцати. Одет он был в простую, чистую бело-голубую кофту, и первое впечатление от него было — мягкий и утонченный человек.

Однако в этом почти безупречном облике крылась одна деталь: от его мягкости и смирения веяло холодом.

Бай Линъюнь раньше обучал учеников, поэтому привык оценивать людей с профессиональной точки зрения: лицо, фигура, манеры, жесты. Одного взгляда хватало, чтобы понять почти всё. Поэтому, увидев перед собой такой качественный материал, он инстинктивно кивнул и произнес:

— Хорош.

Такая реакция вывела Ду Минъюэ из себя. Он снова вытянул тот самый тонкий палец:

— Бай Баси, ты что себе позволяешь? Смеешь рассуждать о моем старшем брате? Жить надоело?

Бай Линъюнь опешил и повернулся к Дай Пэйчуаню, вопросительно глядя на него.

Что происходит? Бай Баси — это он меня так зовет?

Дай Пэйчуань покачал головой. Актеры после обретения славы меняют имена, и мало кто заботится о том, как их звали раньше. Только когда становишься звездой, о тебе вспоминают, поэтому он понятия не имел, как Бай Линъюня звали в прошлом.

— Бай Баси! Перестань придуриваться! Не думай, что если спрятался в маленькой группе, то стал чистеньким. Грязные дела, что у тебя были с этим типом по фамилии Чжао, тебе вовек не отмыть!

У Бай Линъюня дернулся глаз. Что ж, значит, все-таки его.

Но кто же был тем слабоумным родителем, что дал ему имя Бай Баси?

Может, еще Бай Птичье Гнездо, Бай Дав, Бай Орео?

Пока он мысленно иронизировал, в голове возник еще один вопрос: что это за господин Чжао?

Видя, что Ду Минъюэ снова собирается закричать, низкий голос оборвал его:

— Довольно. Еще не натешился?

Ду Минъюэ надул губы и мгновенно замолчал, переключившись на то, чтобы «разрезать» Бай Линъюня взглядом.

Бай Линъюню стало смешно. Он что, убил родителей этого дурачка или обесчестил его сестру, раз тот питает к нему такую ненависть?

Мужчина в бело-голубой кофте слегка кивнул Бай Линъюню.

— Старший брат, мы давно не виделись.

Бай Линъюнь опустил глаза и сухо ответил:

— Хм.

Он специально не спрашивал Дай Пэйчуаня об их личностях, чтобы не позволить чужим мыслям затуманить свое восприятие.

Люди их профессии обычно эмоциональны и склонны к фантазиям: дай им зернышко, и они

выстроят в голове целое поле. Чтобы не терять рассудка, он хотел узнать всё из первых уст — кто они такие и какая связь связывает их с ним в этом пространстве.

— Старший брат, ты твердо решил больше не возвращаться в Чуньхэтан?

Бай Линъюнь поднял голову и улыбнулся:

— А как ты думаешь, младший брат?

— Цзю Мэй с детства не мог понять, о чем думает старший брат, так с чего бы мне теперь знать?

Бай Линъюнь кивнул. Значит, этого младшего брата зовут Цзю Мэй. Похоже, он зря винил «родителей»: Баси, Цзю Мэй — такие созвучные имена, скорее всего, их давал учитель по порядку рождения.

Подумав об этом, он бросил взгляд на Ду Минъюэ. Этот дурачок, должно быть, десятый по счету. Следуя логике учителя, его могли назвать Шинян или Шилан... Ду Шинян, Ду Шилан — от одной мысли становилось грустно.

<http://bllate.org/book/19185/1883620>